жавиным и поэтами 1740—1770-х годов в смысле восприимчивости к различным поэтическим веяниям в основном количественная. Более того, это разнообразие поэтических увлечений Державина, по сравнению с его предшественниками, объясняется, вероятно, еще и лучшей изученностью в историко-литературном отношении эпохи Державина, большей ее документальной оснащенностью. Ведь литературные интересы Ломоносова нам приходится восстанавливать в результате самых сложных «археологических» по трудоемкости поисков, тогда как богатство державинского архива еще может обеспечить работой не одно поколение исследователей.

Если руководствоваться при решении проблемы «Державин и литературные направления его времени» не отдельно взятыми, хотя и верными наблюдениями, а рассматривать его творчество в совокупности, то отпадает надобность прикладывать к нему мерку различных литературных направлений, возникших в борьбе с классицизмом, так как ни одно из них не охватывает его творчества в целом: литературная позиция Державина еще опирается на общую для русского классицизма эстетическую базу. Может быть, поэтому следует признать, что русский классицизм именно в поэзии Державина сказал свое последнее и, художественно, самое веское слово?